

Тань Чжифэн посмотрел на молодых людей снаружи. Последний пирожок на столе съел Чэнь Цин, а они всё ещё ждали основного блюда. Он открыл принесённые И-и свёртки, начал разбирать продукты и, подумав, указал на каплю у себя на шее и сказал И-и: «С этой штукой, защищающей нас, он нас не обнаружит. Но раз уж он оставил здесь метку, может быть, это...»

— Он тоже нашёл того, кого ты ищешь, — тихо сказал И-и. — Поздравляю, Тань Чжифэн, ты нашёл правильное место.

Однако Тань Чжифэн не был настроен принимать поздравления И-и. Он помолчал, словно переводя дух. Когда он снова заговорил, его голос, казалось, немного дрожал: «Позже скажи Чжочжо и Чанчану, чтобы в эти дни они ни в коем случае не использовали магию у входа в переулочек. В остальном, всё как обычно».

На лице И-и появилось редкое серьёзное выражение. Он кивнул и вышел. Тань Чжифэн, вымыв котёл, бросил в него несколько костей для бульона, а затем положил на разделочную доску кусок мяса с прожилками жира, который купил И-и, и начал умело его нарезать.

Заставлять гостей ждать было невежливо. В будущем нужно запастись закусками вроде сушёных побегов бамбука и сухофруктов. Тань Чжифэн старался не думать о том, что произошло у входа в переулочек, и сосредоточился на мясе на доске. В этот момент вошла Чжочжо с обеспокоенным лицом и нерешительно начала: «И-и сказал...»

— Не волнуйся, — Тань Чжифэн вытер руки о синий хлопковый передник, повязанный на поясе, и успокоил её. — Он, должно быть, оставил метки во многих местах. Просто будем осторожны.

Сказав это, он указал на несколько бумажных свёртков, которые принёс И-и: «Отнеси им эти абрикосовые дольки и маринованный имбирь. Пусть И-и поможет вынести жаровню. Бульон почти готов, мясо замариновано, скоро можно будет подавать гостям».

Чжочжо кивнула. Выражение её лица вернулось к обычному, и она начала раскладывать фрукты. Раскладывая, она сказала: «Знаешь, Чжифэн, этот твой дом, похоже, и вправду с дурной славой. Я тут слышала, как тот парень говорил, что один студент из Императорской академии, который часто покупал здесь масляные лепёшки, недавно тоже в реке утопился. Власти ведут расследование. Кто знает, может, и тебя однажды вызовут на допрос. Скажи, с одной стороны волк, с другой — тигр, может, нам лучше сменить место?»

— Пока не будем, — ответил Тань Чжифэн. — Я тогда у входа в переулочек немного растерялся, не знаю, заметил ли меня тот чёрный глаз. Если мы сейчас уедем, не будет ли это выглядеть так, будто нас обнаружили и мы сбежали?

— И ещё та ночь... — Тань Чжифэн, раскладывая на большой тарелке тонкие, как бумага, ломтики маринованного мяса, слегка нахмурился, вспоминая. — ...Я немного сомневаюсь, что в ту ночь... тот человек... я не хочу упускать ни одной зацепки.

— Эх, как хочешь, — Чжочжо вынесла две тарелки с фруктами, а затем И-и вошёл и забрал ярко горящую жаровню. Снаружи люди продолжали спрашивать: «Так что же мы будем есть?»

Тань Чжифэн лично вынес густой, как снег, бульон и поставил его на жаровню. Перед каждым гостем он поставил маленькую тарелочку с ароматным соусом, посыпанным мелко нарезанной зеленью. Длинными бамбуковыми палочками он взял кусочек мяса, быстро окунул его в кипящий бульон и положил в соусницу перед Чэнь Цином, жестом приглашая: «Господин Чэнь, попробуйте первым, посмотрите, по вкусу ли вам».

Чэнь Цин сам взял кусочек и положил в рот. Мясо было ещё горячим, соус тоже был тёплым. Не успел он его укусить, как мясо, казалось, растаяло во рту, оставив лишь восхитительный аромат.

— Цзыцзинь, ну как? — остальные, съев несколько пирожков, не были особо голодны, но, почуяв аромат, вдруг почувствовали, как у них заурчало в животе. Не дожидаясь ответа Чэнь Цина, они сами начали брать мясо с тарелки и, подражая Тань Чжифэну, окунать его в котёл. Чэнь Цин же, придя в себя, спросил Тань Чжифэна: «Что это? Крольчатина? Как это называется?»

Тань Чжифэн ответил: «Сегодня я ничего не готовил, только это можно было сделать быстро. Некоторые называют это "босягун"».

— «Босягун»? Какое изящное название. Это вы сами придумали, хозяин? — не удержался от вопроса тот студент из Императорской академии.

И-и, сидевший за стойкой, с невозмутимым видом поднял голову и, указывая на ярко-красные кусочки крольчатины, плавающие в белоснежном бульоне, сказал: «"Волны вздымают снег ясной реки, ветер колышет закатную зарю". Не смотрите на меня, это не мои стихи, так в книге сказано».

— Ай-яй, мы десять лет усердно изучали стихи и книги, а наши знания уступают повару. Стыд и позор! — пробормотали несколько человек с набитым ртом и тут же, забыв о разговорах, принялись уплетать крольчатину из котла, словно ураган.

Тань Чжифэн отошёл за стойку и, глядя на их довольные лица, подумал, что и на этот раз ему удалось кое-как выкрутиться.

За его долгую жизнь еда не была необходимостью. Собственно, до приезда сюда он и не думал зарабатывать на жизнь готовкой. Просто он многое повидал, видел, как едят другие, и, по крайней мере, знал, как выглядит вкусная еда. Это ему очень помогало.

Перед его глазами смутно возник высокий, стройный силуэт. Он подошёл, сел за стол, медленно помешивая ложкой, сосредоточенно пробуя и время от времени поднимая голову, чтобы улыбнуться Тань Чжифэну. Его красивые черты были полны нежности.

— Не думай об этом, — И-и поднял руку и поднёс книгу, которую читал, к глазам Тань Чжифэна. — По твоему потерянному виду я знаю, о чём ты думаешь. Почитай сказание, я только что купил в книжной лавке. Все беды жизни ничто, один свиток чудесных историй — и всё забудется.

— Верно, верно! — несколько молодых людей за столом подняли головы и зааплодировали. — Это...

— Это я сказал, — всё так же невозмутимо произнёс И-и.

Учёные снова рассмеялись: «Ай-я, хозяин Тань, ваш слуга — мастер остроумных речей».

Один из них сказал: «Что вы понимаете, великие скрываются среди простого люда. Прошу прощения, прошу прощения!»

Видя, что гости съели уже немало крольчатины, Тань Чжифэн велел Чжочжо подать заранее приготовленные ломтики лапши, бамбука, свежих грибов и нарезанный тофу, и сварил

кастрюлю овощного супа с лапшой. Бульон после мяса и так был очень ароматным, и весь его вкус впитался в лапшу. Чэнь Цин и его друзья, держа в руках большие миски, забыв об учёной сдержанности, разом съели всё, включая бульон.

Тань Чжифэн, с книгой, которую ему всучил И-и, сидел за стойкой и смотрел, как Чэнь Цин и его соученики смеются и болтают. В этот момент он вдруг подумал, что открыть такую таверну, где не продают вино, — на самом деле неплохая идея.

Столько лет он жил в поисках и бегах, и теперь он начал учиться наслаждаться жизнью в перерывах между скитаниями.

Но что делать дальше? Профиль того человека в переулке превратился в ночной силуэт, который не выходил у него из головы. А ещё тот глаз, дымящийся чёрной ци, на стене. Тань Чжифэн не перевернул ни одной страницы книги. Его рука бессознательно снова коснулась кристальной капли на шее, которая уже остыла.

Чэнь Цин, казалось бы, невзначай, время от времени поглядывал за стойку. Тань Чжифэн, очнувшись от раздумий, встретился с ним взглядом. Тань Чжифэн спокойно улыбнулся ему, а Чэнь Цин застенчиво отвернулся.

За окном пошёл лёгкий снег. Гости, хоть и не пили вина, с большим воодушевлением беседовали за столом, их лица покраснелись от огня в печи.

Чжочжо и И-и, от нечего делать, тоже притащили по пеньку и подсели к ним. Разговор завязался очень оживлённый. То они обсуждали военные действия на границе, то забавные истории из соседнего Переулка Бойни. Чанчан подобрался к Тань Чжифэну, потянул его за рукав и с любопытством спросил: «Братец Чжифэн, кто живёт в Переулке Бойни? Он что, каждый день убивает по свинье?»

Неизвестно почему, но на двух улицах рядом с Императорской академией было полно публичных домов, и Переулок Бойни был одной из них. Тань Чжифэн с улыбкой погладил его по голове: «Нет, там живут красивые девушки».

Услышав это, несколько учёных громко рассмеялись. Кто-то начал поддразнивать другого, помоложе, по фамилии Ли. Похоже, у того в Переулке Бойни была возлюбленная куртизанка. Услышав это, Чжочжо оживилась: «Братец Ли, хочешь, я тебе дам пару советов, успех гарантирован! Хочешь устроить "свидание в сумерках" или сразу перейти к "тёплой ночи в шатре"?»

Тань Чжифэн посмотрел на Чжочжо, чьи глаза горели, как она, задрав юбку, поставила ногу на пенёк, а затем на катящуюся лицо студента Ли, и его сердце наполнилось сочувствием.

Он перевёл взгляд в сторону. Чэнь Цин и студент по фамилии Чжоу обсуждали военные действия на северо-западе. Похоже, хотя в Кайфыне «уже давно царит мир, и народ процветает», в Поднебесной было не так спокойно, как представляли себе жители столицы.

Государство Ляо только несколько лет как успокоилось, а теперь напало Западное Ся. В начале года в битве при Саньчуанькоу погибло более десяти тысяч воинов Великой Сун, а судьба главнокомандующего Лю Пина до сих пор неизвестна. Другой полководец, сбежав, доложил двору, что Лю Пин перешёл на сторону врага. Сейчас при дворе всё ещё идут споры о том, как поступить с Лю Пином.

Нестабильная обстановка — это нехороший знак. Тань Чжифэн хотел сказать И-и, чтобы тот

